

Борис Носик

Человеческий фактор

Часть сборника
Пионерская Лолита (сборник)

Борис Носик

Человеческий фактор

«Автор»

1986

Носик Б. М.

Человеческий фактор / Б. М. Носик — «Автор», 1986

"Краковец проснулся от холода в большой дубовой кровати и долго таращился на мозаику из ценных пород дерева, покрывавшую стены гостиничного номера. Номер был люкс, для самого высокого начальства (редко теперь здесь бывавшего), как, впрочем, и вся эта гостиница в сибирском городке Стрешневске, где зима уже наступила, не считаясь с тем, что на дворе только начало осени, а отопление еще, естественно, не фурыкало..."

© Носик Б. М., 1986

© Автор, 1986

Борис Носик

Человеческий фактор

Рассказ

Краковец проснулся от холода в большой дубовой кровати и долго таращился на мозаику из ценных пород дерева, покрывавшую стены гостиничного номера. Номер был люкс, для самого высокого начальства (редко теперь здесь бывавшего), как, впрочем, и вся эта гостиница в сибирском городке Стрешневске, где зима уже наступила, не считаясь с тем, что на дворе только начало осени, а отопление еще, естественно, не фурыкало.

Здесь, вероятно, полезным было бы авторское (в более высоких жанрах его именуют лирическим) отступление, которое позволило бы нам сразу поставить точки над *i* и над *e*, как того требуют правила реалистической, а не какой-нибудь там модернистской литературы, заполнившей ныне самиздат, тамиздат и даже проникающей порою в наш отечественной госиздат, куда, казалось бы, и вообще проникнуть невозможно. Отступление это объяснило бы раздраженный и даже критический тон, в который с первых строк впадают как автор, так и его герой, московский журналист и даже отчасти беллетрист (невеликая, впрочем, птица на столличном-то горизонте) Григорий Краковец. Ведь, казалось бы, чего не жить – бодрое сибирское утро, морозец, гостиница из мореного дуба, а номер тебе – люкс, почет и уважение, встань, умойся ледяною водою, выйди на хрустящий снежок, а то и просто дошаркай по коридорным коврам до спецбуфета (тут, впрочем, нет полной уверенности, что открыт, потому что не ждали – как у художника Репина) и – вперед! Познавай жизнь, вторгайся в нее холодным оружием печати, поддержи хилые ростки нового, рази пережитки старого, которое мешает нам жить, корчуй его могучие заросли... Так нет же, не хочет – все то же, уже надоевшее брюзжание, недооценка перестройки, переоценка перегибов, и недостатков, и недостач – в этом оба они, как в капле воды, и автор, и его герой, типичные русские советские интеллигенты; впрочем, и это ведь не совсем точно, и это самоназвание: любитель-специалист по национальному вопросу не признал бы за ними ни первого, ни второго, ни третьего, да и профессионалы усомнились бы, но уже, конечно, по заполнении соответствующих анкет. Во-первых (и это для обеих категорий специалистов важно), впрямь ли русский? И что такое стопроцентный русский? Это только американцы отчего-то бывают стопроцентными. Сто ли там процентов русской крови? Пятьдесят ли? Двадцать ли пять? Конечно, примеси крови в нашей терпимой России никогда не считались предосудительными, хоть бы и татарская, как у Романовых, или (у них же) немецкая, или французская, или итальянская, или черкесская, или португальская. Но только не эта, ради бога. Точней даже – ради Бога, и описка тут не случайная, выдает новомодное, на скорую руку крещение автора, где-нибудь на углу Пятницкой и улицы Бахрушина. Во-вторых, интеллигент ли вообще? Вряд ли. Да известно ли ему самому (автору или герою), что есть интеллигент? Тут-то и выясняется, что образованщина. Да и насчет советского тоже надо еще посмотреть (хотя уже с другой стороны). Ведь если содержится хоть какая ни то антисоветчина, то можно ли такого человека назвать с полным основанием советским? С другой стороны, отчего бы и нет? Со всяким может случиться – у кого ж ее не закрадывалось? Да ведь и критерии так быстро меняются, сегодня – анти, а завтра, глядишь, – можно... А все же есть чутье, и есть чуткие люди, обладающие этим чутьем, они-то и скажут, придет время. Впрочем, эту последнюю часть триады (насчет советского) мы все же признаем за своим героем, хотя бы условно, а то рассказ наш с места не сдвинется, а реалистический рассказ, он должен двигаться, иначе что ж это будет – стихотворение в прозе. Не потянем. Эссе? Трудно даже сказать, что это такое, эссе, ясно только, что автор этого не хотел...

Итак, журналист Краковец мерз в этой своей полутораспальной дубовой кровати и с неодобрением разглядывал драгоценные стены начальственной гостиницы. «Такая с-ань, – думал он. – Такая ср-нь! Миллион ухлопали в этой с-ани на гостиницу для начальства, а теперь, видишь, не топят...»

Не то чтобы Краковец не одобрял того факта, что ему оказан был здесь столь начальственный почет. Или чтоб он был там какой-нибудь сторонник всеобщего равенства. Напротив. Как нормального советского человека его обижала всякого рода уравниловка, и он не потерпел бы, если б ему пришлось стоять в аэропорту в очереди или ночевать в холле гостиницы. А все же и социальное неравенство его тоже слегка корбило, так как он взращен был родною литературой на светлых идеях равенства и братства – вот, мол, парадный подъезд, и труд этот, Ваня, был страшно громаден. Строго говоря, он понимал, что и Н. А. Некрасов не мок сам у подъезда и не вкалывал на общих работах на железнодорожном строительстве где-нибудь на БАМе, а тоже, как известно, питался шампанским, закусывал икрой и снимал стресс при помощи грудастых француженок, которые хотя чаще всего и страшненькие, а все же дают ощущение уровня, потому что отдаются не задаром. Так что при всех слабостях имел наш герой Краковец эту остроту социальной чувствительности и эгалитарного неприятия привилегий, хотя, скажем честно, на собственном его творчестве это никак пока не отразилось, потому что творчество, оно, как ни крути, определяется все же спросом и предложением, а «Парадный подъезд» ему еще никто не предлагал написать (Некрасов его тоже, между прочим, не в стол настроил, самый был тогда спрос на такую тематику)...

Спасаясь от холода под одеялом, Краковец припоминал, как его угораздило попасть в эту постель (тут у нас дальше идет художественный прием, который называется «ретроспекция», – он, конечно, давно устарел в искусстве кино, но в настоящей литературе все вечно). Московский журнал, имевший в последнем квартале неизрасходованные командировочные средства, а заодно и не охваченные творчеством районы Сибири, предложил Краковцу слетать в Томскую область. «Деревянная архитектура, старик, с ума сойдешь, еще не всю пожгли...» Писать надо было, впрочем, не про архитектуру, а про какого-нибудь передового труженика, скажем рабочего-строителя, но не так писать, чтоб там просто бетон или план, а чтоб наш человек был виден, как у нас теперь говорится, человеческий фактор. Что это означает, редактор, кажется, сам пока еще не понял, потому что термин был сравнительно новый, из беспокойных времен перестройки и гласности, когда всем ясно стало, что с безгласностью уже пора, наверное, кончать, а вот что делать дальше – еще не слишком понятно.

Вооруженный удостоверением и авансом, опережаемый также казенною телеграммой, Краковец прилетел в областной сибирский город Томск, где стал держать совет с местными коллегами – о том, как бы это ему получше посмотреть Сибирь. Хотя Краковец всю жизнь безвыездно прожил в России и немало по ней ездил, он все еще не терял надежды досконально изучить эту необъятную, как говорится, от моря до моря (да чего там два моря, когда сухопутная, в сущности, Москва-матушка и то порт пяти морей) страну.

Сибирские коллеги пришли в страшное возбуждение и стали советовать ему наперебой всякие кипучие захолустья, где еще буквально вчера ничего не было, а нынче – о-го-го, чего там только нет сегодня! Хотя, впрочем, многого, конечно, еще нет... Что же касается человеческого фактора, то и фактор, конечно, тоже встречается, как же без фактора? Чаше других мест коллеги называли городок Стрешневск, и при этом названии глаза у них туманились: «О, Стрешневск...» Правда, они тут же оговаривались, как бы извиняясь, что трасса нефтепровода уже ушла из Стрешневска, так что теперь центр внимания переместился в соседнюю область, но все же там и сегодня еще, в этом Стрешневске, кипят дела и разные свершения, в частности, жилищное строительство идет развернутым ходом, есть одна дивчина на кране, и так далее. И глушь такая, братец ты мой, такая даль, что пешком не дойдешь и на машине не доедешь (дороги туда нет), а только вот по воздуху... И Краковец полетел, так и не успев в

суматохе взглянуть на уцелевшие деревянные домики с резьбой, спрятанные где-то за панельными пятиэтажками областного центра. Он до тошноты долго летел на маленьком самолетике (болтало изрядно), внизу рыжел лес, темнели болота, лес и болота, болота и лес, без конца и краю, и двести, и триста, и четыреста, и больше километров – ни тебе жилья, ни людей. Конечно, если бы не болтало так сильно и не тошнило, то можно было бы изумиться (верней, нельзя было бы не изумиться) необычайному простору и богатству этой бескрайней, необоженной земли или (при соответствующем критическом настрое) удивиться такой ее неухоженности. Под вечер наконец они долетели все же до этого самого Стрешневска, где Краковец был встречен молодым толстым мужчиной из местного горкома, имевшим в своем распоряжении машину для встречи гостей. По дороге в гостиницу Краковца болтало и тошнило, точно он все еще был в самолетике, и лишь однажды, когда ему полегчало, здоровое любопытство заставило его взглянуть в окно. Увидел он, впрочем, блочные пятиэтажки, точь-в-точь как в областном центре, может, чуть погрязнее – и тошнота вернулась.

Улыбчивый толстяк из горкома, перехватив его взгляд, откликнулся бодро:

– То-то. Растет и хорошеет. Завтра оклемаетесь – все поглядим, по большому счету...

– Я для того, собственно... – пробормотал Краковец.

Он хотел сказать, что затем он и ехал в такую даль, чтоб все в подробностях, и так далее, но новый позыв к рвоте заставил его умолкнуть.

– Ничего, – сказал толстый провожатый, благоразумно отодвигаясь от гостя. – Время еще будет поглядеть. Так что я в вашем распоряжении. День и ночь...

Ночь он кое-как перебедевал. Пришло утро, может, и день уже наступил, а толстого что-то не видно. Надо вставать, умываться, бриться и отправляться на поиски завтрака...

Не известно, сколько времени Краковец предавался бы еще этим мыслям, дрожа под казенным одеялом, если бы телефон не зазвонил в конце концов на громадном письменном столе (как же начальству без стола?). Краковец подбежал босиком по холодному полу, схватил трубку и услышал бодрый голос вчерашнего толстяка.

– Ничего, не спешите, – сказал он. – Одевайтесь пока, а я тут насчет буфета хлопочу. Буфетчицу уже вызвали.

– Р-разумно... – бормотал Краковец, одной рукой натягивая штаны и стуча при этом зубами. – Г-гуманно...

О, бр-р-р. Сам-то небось уже поел – поспал в теплой супружеской постели, позавтракал, теперь звонит...

Краковец ополоснул лицо под краном и, натянув на себя теплую рубаху, свитер и куртку, спешно покинул номер. Больше натянуть на себя ему было нечего – кто ж его знал, что тут зима в начале сентября.

Толстый мужчина по имени Валерий повел его в буфет.

– Пришла. Злая, как черт, – сообщил он доверительно про буфетчицу. – Она у нас вообще-то спецбуфет обслуживает, на самом что ни на есть верху, а тут ей сейчас выгоды нет, одно совместительство. Там-то у нее, где тузы, там копченая колбаска бывает, и все такое, так что с ней не очень-то будешь...

Плотная бабенка со следами былой миловидности на отчаянно наглом лице и не скрывала своего раздражения. Валерий было сунулся к ней в кухоньку справиться насчет меню, но она вполне развязно шуганула его оттуда, – видать, она и впрямь проводила свои дни где-то там, в самых верхах, и даже эти верхи, может, сильно от нее в чем-то зависели. В буфетном зале было так холодно, что Краковец (ему-то что за страх, человек приезжий, из центра!) дерзнул втереться в кухоньку, поближе к электроплитке. Здесь он впервые в жизни наблюдал процесс приготовления столовского кофе (чай по причине его низкой цены теперь и в рядовых столовых редко держат): в маленькую кастрюльку буфетчица бросила две ложечки растворимого кофе из баночки и поставила кастрюльку на огонь.

– Кипит! – сообщил Краковец, стараясь, впрочем, быть любезным и ненавязчивым. Он протянул чистый стакан: – Можно самообслужиться?

– Да? – сказала буфетчица, глядя на него с усмешкой.

Это было замечательное «да?». Точно он попросил у нее довоенную воблу или блины с икрой. Да он вскоре и сам убедился, как глубока была пропасть его наивности: буфетчица вылила черную жижицу из кастрюльки в десятилитровое ведро, где были смешаны вода, сахар и молочный порошок, после чего традиционная кофе-какала была готова к употреблению.

Краковец брезгливо отверг прошлогодние яйца и летнего завоза кефир, выбрав к кофе окаменелую булочку.

– Идите в зал, сама обслужу, – сказала буфетчица. Она вдруг вызывающе качнула задом, и Краковец смог понять, что это сексуально активная единица, что она еще, вероятно, обслуживает кого-нибудь там, в этих влиятельных верхах, и чем-то иным, хотя, конечно, и менее ценным, чем копченая колбаса, а все же пока имеющим спрос (в определенной, конечно, обстановке, под элитарную выпивку и ту же колбаску – ах, как прекрасна, должно быть, жизнь в высоких, а также еще более высоких сферах!). Зазывно качнувшийся зад этой спецбуфетной сексуальной единицы засвидетельствовал, что и он, Краковец, тоже размещается где-то там, не на самом социально-сексуальном низу нашего общества, хотя и не вполне еще ясно, чего от него можно ждать женщине. «Ничего ты, мордатая курва, не дождешься, – очень невежливо подумал он про себя. – Ни водяры тебе не будет, ни шампусика, ни продвижения по службе, ни задвижения на службе... Пусть тебе начальство задвинет».

Он молча удалился за массивный дубовый столик (на сей раз дуб был отчего-то без инкрустаций) и демократически поделился с толстым Валерой своими мыслями (не всеми, конечно, ибо Валерин должностной демократизм еще не казался ему совершенно надежным):

– Разбойница, а? Просто Дикий Запад. Правильно нам партия говорит: здесь ищите своих героев, в самой так сказать, гуще. Вот они, наши гангстеры, наши вестерны и салуны. Такая задушит – и не пикнешь... Впрочем, – добавил он осторожно, – и то очевидно, что не всякий герой годится нам на первом этапе гласности...

– Это точно, – сказал Валерий. Он был унижен буфетчицей, давшей ему понять, что он пока не Бог весть какой начальник и что таких-то, как он, грибков она бочками маринует.

Склонившись к Краковцу, Валерий сказал доверительно:

– Ее, кажись, сам тянет.

Краковец кивнул с большой серьезностью, хоть и не вполне понял, кто такой был «сам» и какова была степень его самовитости: то ли это был первый секретарь, то ли всемогущий начальник нефти, то ли шеф жилпромстроя. Видимо, он все же занимал какое-нибудь достойное место, отчего и был «сам». То есть «сам» он был именно вследствие сочетания с этим местом, ибо сам по себе он был, вероятно, никто и ничто – и будет никем снова, как только его с этого места снимут. Хотя всего он все же, наверно, не потеряет, не дадут ему все потерять, совсем потеряться, раз уж добрался он до самого спецбуфетного верха...

После завтрака Валерий повез гостя на стройку жилмассива.

– Все понятно, – сказал Валерий, выслушав дорогой смутные пожелания Краковца насчет человеческого фактора. – Вам Валентина нужна. У нее все показатели, буквально, – и выполнение, и авторитет, и даже где-то личность...

– Это хорошо, – сказал Краковец. – Последнее. Насчет личности.

– Увидите! Будка – во!

Они высадились из машины среди холмов строительного мусора. Хотя и строительный, он был все же мусор, уже изрядно, впрочем, перемешанный с нетающим снегом. И ветер при этом дул просто ледяной. «Сентябрь, падло, называется», – уныло думал Краковец. Ежась на ветру, он размышлял, отчего он так ненавидит стройки. Может, оттого, что имел несчастье

родиться в период развернутого строительства, прожил свою жизнь под грохот строек и никогда уже, наверно, не увидит ничего достроенного...

Он оглянулся. Валерий за его спиной ковырял ботинком кучу строительных отходов.

– Вполне приличные доски попадаются, – сказал он. – А мне вот так нужна доска для балкона. Надо будет обговорить... Вообще стройка, я вам скажу... – Валерий прищурился руководяще. – Это ведь золотое дно, кто понимает.

«Вот и еще один взгляд на развернутое строительство, – подумал Краковец уважительно. – И он ведь прав, мой гид: под стройку что хошь можно списать и что угодно для себя самого построить. Построенное-то, оно, конечно, всегда ниже наших ожиданий, зато сам процесс строительства...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.